

ПОСЛАНИЕ ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ

Б. Шаниро

Дорогие и уважаемые товарищи-однокашники, Наташа бывшая Шангина поставила передо мной неразрешимую задачу поупражнять моего без дела простаивающего русского языка и написать вам послание. Но как же найти верный тон в обращении к вам, которых я не видел почти вдвое дольше, чем нам было лет когда мы расстались? Как перепрыгнуть через годы и веси, и почувствовать вас, нынешних и разменявших уже шестой десяток?

Моя дурацкая память не умеет хранить ход событий, а выплевывает отдельные статические картины и ощущения из того такого далекого и такого близкого времени. В голове всплывает всякая всячина: я, Ритка Турцевич и Сережка Ивлиев, гуляющие во втором классе в обнимку по коридору четвертого этажа на перемене; увесистый кулак Ирки Елисейевой, которым она защищала нашу классную королеву Иру Вайль; маленькая круглая дырка в задней стенке пианино дома у Корешкова, которую он прострелил из пистолета своего папаши, бывшего тогда замом Руденко. А как он произносил свои знаменитые 'ум, мозг, дуб'? Вспоминаются, тостые щеки нашей директрисы Анны Федоровны, искренне считавшей, что слово 'спортсмен' происходит от 'спортивной смены'; длинные светлые локоны и худые ноги моей любимой Лидии Ивановны, поставившей мне по доброте душевной как-то 5 пятерок за одну неделю и исчезнувшей от нас из-за туберкулеза; Сашка Майданич, делающий двадцатый подъем переворотом на брусьях, когда я не мог сделать и одного и его свободная интерпретация Битлз на раздолбанном школьном пианино; Марина Абрамовна, с увлечением обучавшая нас бесполезной в то время географии, энергичная Нина Анатольевна и ее дочки-близняшки, проживавшие неподалеку от нас, Юрка Максимов и Игорь Дубынин, с которыми мы шлялись по Владимирским улицам; наша строгая и не всегда понятная Варвара Яковлевна Ноздра, так никогда и не узнавшая, что же случилось с ее мужем в 39-м году; Ольга Тихоновна, Гвоздик, Пеликан, Петр Николаевич ... И конца и края этому нет. В общем, неожиданно осознаешь, сколько внутри тебя связано со всеми этими людьми, и насколько они определили тебя нынешнего и (как говорил когда-то Игорь Дубынин) возмудевшего.

Всякое было, и хорошее и не слишком. До сих пор не пойму, чем так провинился Сережка Ивлиев (одно прозвище чего стоило - 'пуфок'!) С другой стороны, никогда мне не забыть, как ко мне, заболевшему глазами в конце 10-го класса (даже выпускное фото пришлось портить из-за этого), пришли в больницу одноклассники, и я отправился с вами гулять по улице Горького в пижаме и тапочках.

По слухам имеется следующее китайское пожелание своим врагам: 'Шоб ты жил в эпоху перемен!' Вот этого добра на наш век хватило с избытком. Коренной перелом 89-90 годов застал нас в возрасте Иисуса Христа, т.е. 33 лет от роду, и быстро перетасовал кого в банкиры, а кого и в люмпены. Меня, отстоявшего 9 месяцев за билетами Аэрофлота, на этой волне смыло на запад, и впоследствии я наблюдал за интересным экспериментом

построения развитого капитализма в отдельно взятой за ж... стане уже с безопасного для здоровья расстояния. Справедливости ради надо добавить, что мой бывший начальник по КБ, чудом уцелевший в отстрельные 90-е годы, имеет теперь недельный доход, который превышает мой годовой. В последние годы я регулярно наезжаю в белокаменную, и разные части моей биографии, которые казались разорваны на несвязные куски, начинают каким-то странным способом опять составлять единое целое.

Итак чтобы не размазывать больше слюни по столу, посылаю вас ... то есть вам большой пионерский привет из братской солнечной Швеции и буду хлопотать, чтобы тот наверху вам всем отпустил хотя бы еще лет по пятьдесят на брата ... Ведь дело в том, что хотите вы или нет, вы - часть меня, как и я, по-видимому, часть вас. Так что приезжайте к нам на Колыму, только не все сразу. А я буду в Москве в конце лета, и если кто-нибудь захочет заново со мной познакомиться, то милости просим.

(Посылаю вам на прощание два музыкальных привета, которые у меня внутри живота вызывают ощущение начала семидесятых годов.)

Засим остаюсь всегда ваш, Б.Шапиро.